

ОСЕННЕЕ РАВНОДЕНСТВИЕ

Он все книжки по сто раз читал. У нас и книжек-то было – штук пять всего. Два тома химэнциклопедии, телефонный справочник, Листы сада Мории, еще Исэ Моногатари, переводы Конрада.

Он так рассматривал страницы, будто хотел запомнить очертание каждой буквы. Мне это непонятно было: зачем? Вообще-то я думала – может, притворяется. Книжку откроет и спит с открытыми глазами, или думает о чем-то.

В комнате ничего не было: ни мебели, ни вещей. Было окно во всю стену и желтый пол. Он говорил, что трудно сохранять оазис пустоты. По стенам гуляло эхо, и в солнечные дни линолеум делался горячим.

В кухне мы спали и варили чай в маленькой кастрюльке. Она называлась гестапковка, губы жгла. В окне из края в край стелился город: семнадцатый этаж. Из-за отсутствия вещей и мебели было ощущение, что лес, ключья домов, дымы у горизонта да желто-серое небо – это и есть наша обстановка.

У нас не было телевизора, и он взамен написал программу, которая на древнем черно-белом компе днем и ночью неторопливо рисовала графику. Серые точки засыпали поле, превращались в хлопья, их перечеркивали линии, острые углы обрывались кругами. Когда сверху кляксой шлепался эллипс, почему-то я вздрагивала – ой, какая картинка погибла, во дурак!, – а эллипс все расплывался, но сбоку медлительно подползала змейка, отгрызая один бок, и заматала поверху белая пыль. В разных краях экрана все время что-то происходило, он вроде растягивался по краям, непонятно, как туда столько помещалось. Сюжеты рождались и тут же исчезали, мне становилось жалко – пусть бы они побыли. Я только начинала их любить, а они уже таяли, заменяясь другим. Никогда нельзя было угадать, что будет дальше: они не повторялись. Мне казалось, там кто-то живой сидит – пишет, задумывается, стирает все, начинает сначала. Засыпая, я смотрела, как линии заполняют комнату, смешиваясь с полосами обоев.

У нас не было часов. Нам не нужно – часы были на стене дома напротив. А на новый год мы смотрели в окно: когда всюду начинали вспыхивать огни, салюты и сыпались фейерверки, была полночь.

Потом я ушла. От него ушла. Уехала на другой край города. Он еще приезжал иногда – стихи записать. У него своя папка была на моем винте. Когда он умер, я два года боялась ее открывать. Потому что он в них остался: в стихах. Они и сейчас там – живые. Имя я себе взяла, не задумываясь. А вообще его это имя: В.Хоси. Теория леса. Сборник стихов у меня в компе.